МИРЪ ЕВРОПЫ.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія; два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, Сентября дня, 1814 года. По назначенію Ценсурнаго Комитета, при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ

НИКИФОРЪ ЧЕРЕПАНОВЪ.

МИРЪ ЕВРОПЫ,

или

КАРТИНА СЛАВЫ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

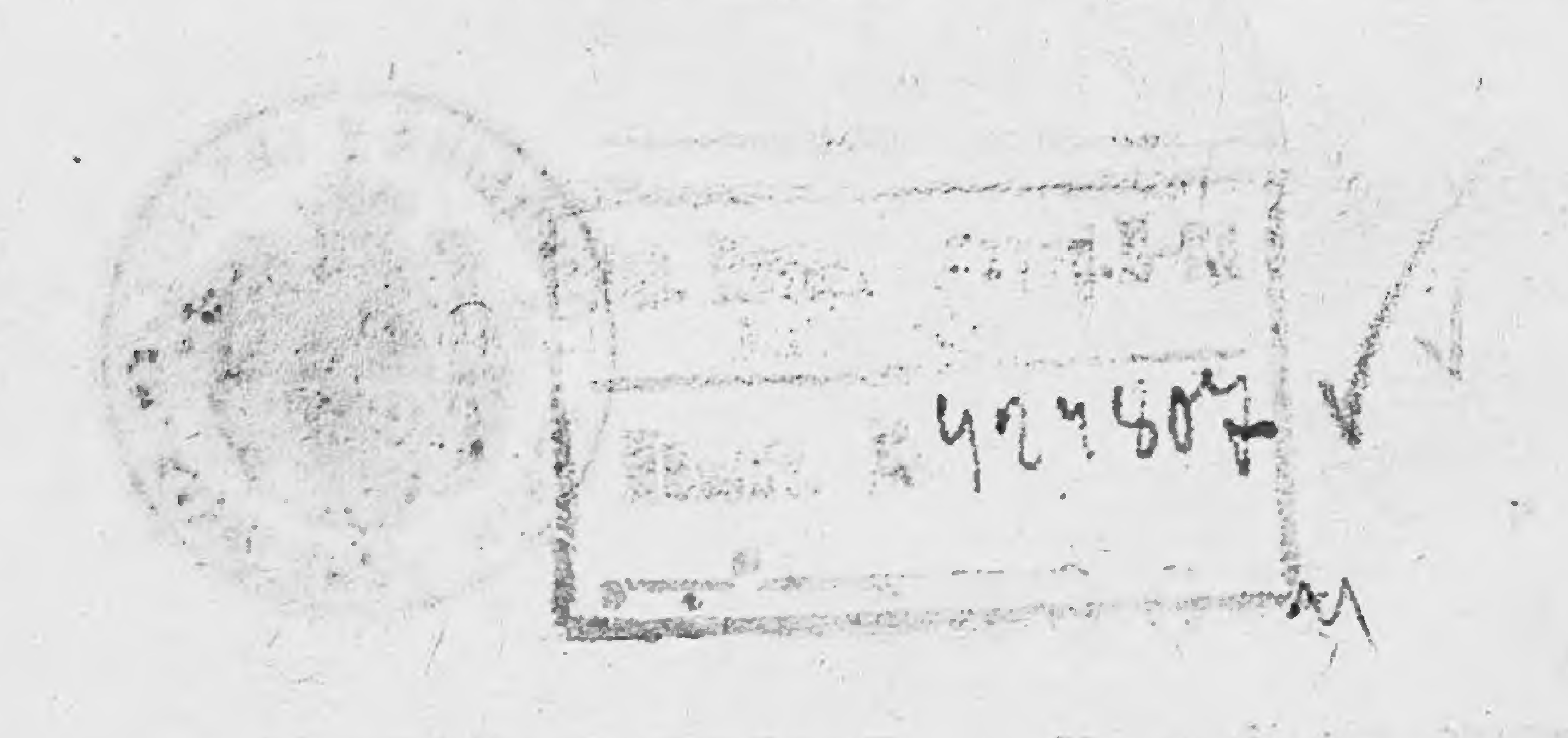
МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

1814.

Благословенъ гряди *девятнадесятый вѣкъ*, великій жнецъ, изводитель изъ бѣдствія! ты родишься въ болѣзняхъ, въ младенчествѣ своемъ ты въ слезахъ снеси хлѣбъ твой, въ юношествѣ будешь подвизаться до крови, потъ и слезы будутъ капать на множество язвъ твоихъ. Когда же увѣнчаешься побѣдою, и вѣчный Востокъ съ горы святыя озаритъ чело твое и возсіяетъ изъ очей твоихъ: тогда вкусишь ты плоды побѣдъ и спокойно почіешь на лаврахъ твоихъ. И когда приспѣетъ время твоего отдыха, то все человѣчество наречетъ тебя избавителемъ. Благословенъ гряди девятнадесятый вѣкъ! —

ШТИЛИНГЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Страна просвѣщенная, на земномъ кругѣ извѣстнѣйшая различными изобрѣтеніями, обиліемъ гордыхъ памятниковъ искуствъ и художествъ, знаменитая великими подвигами для блага человѣческаго рода, для спокойствія собственныхъ ея обитателей; — издавна ищетъ внутренней непоколебимой тишины, и не находитъ оной въ теченіи многихъ столѣтій. Милліоны людей, живущіе подъ сводомъ неба, Европу покрывающаго; богатые, естьли не всѣмъ, то превосходящіе сосѣдственныя части свѣта промышленностію, прехожденіемъ безъ страха морей неукротимыхъ, побѣдою надъ са-

мыми стихіями; — не рѣдко завидуютъ непросвѣщеннымъ Американцамъ и жителямъ полей равноденственныхъ. Дикой (по нашему значенію) подъ тѣнію уединенной пальмы, или среди песчанаго моря, забываютъ всякую вражду къ человѣчеству; по крайней мѣрѣ онъ не изобрѣлъ еще столько пагубныхъ орудій на истребленіе своихъ собратій; онъ ополчается на звѣрей только пустынныхъ, мирный кровъ его раззоряющихъ, или на погубленіе семейства его устремляющихся. Европеецъ, повелитель, такъ сказать, морей и земли, изчисляющій пути звѣздные, величину и безконечность міровъ едва постигаемыхъ чувствами; ежедневно прославляющій тишину, курящій жертву хваленія спокойствію; завистливымъ окомъ смотритъ на своего сосѣда; — истребительныя средства готовы, и онъ исходитъ

на убіеніе человѣка какъ на звѣря пустыннаго. Гдѣ же спокойствіе? въ мечтахъ ли умовъ просвѣщенныхъ, или въ кругу едва знающихъ предѣлы своей долины? Разсматривая политическія несогласія, причинившія столько кровопролитія въ Европѣ, трудно рѣшить вопросъ: кто болѣе наслаждается спокойствіемъ, просвѣщенный или дикой обитатель земнаго шара?

Обращая вниманіе на всю новѣйшую Исторію, видимъ съ прискорбіемъ, что Европа болѣе прочихъ частей свѣта была подвержена почти непрестаннымъ войнамъ, какъ частнымъ, такъ нерѣдко и общимъ. Избѣгая всякихъ о семъ изслѣдованій историческихъ, находимъ довольно предмета въ краткомъ изображеніи четырнадцати лѣтъ девятнадцатаго вѣка.

Сіе новое столѣтіе при первомъ своемъ вступленіи на быстрое поприще времени нашло Европу занятою сраженіями и войнами, превосходящими всѣ прежніе краткостію и значительностію побѣдъ.

Наполеонъ, новый образецъ властолюбивыхъ злодѣевъ, потрясъ всю почти вселенную; онъ желалъ весь родъ человѣческій превратить въ конницу и пѣхоту. Изъ цѣлыхъ народовъ составить полчища, изъ обществъ когорты, и изъ семействъ шеренги. Намѣреваясь просвѣщенныхъ жителей содѣлать ордами кочующими, онъ хотѣлъ уподобить всѣхъ дикимъ звѣрямъ, блуждающимъ по полямъ изъ одной корысти. — Онъ старался разрушить все мирное, доставляющее спокойствіе человѣку гражданину; и потому въ его системѣ коварнаго правленія всѣ политическія дѣла рѣши-

лись штыками или картечами. Самые конгрессы превращалъ онъ въ мѣста сраженій, и переговоры производились предъ рядами воинства. Онъ прикрывая царствованіе свое личиною спокойствія всемирнаго, (до котораго будто всячески старался достигнуть) искалъ только новыхъ легчайшихъ средствъ къ истребленію части человѣческаго рода другою частію онаго. — Душа его въ тайнѣ радовалась, предвидя, что по несогласію, или слабости Дворовъ продолжатся еще бѣдствія человѣческія. — Изобрѣтшій способъ истребить однимъ ударомъ всѣхъ враговъ, или лучше всѣ государства (ибо не въ одномъ изъ оныхъ не нашелъ себѣ дружелюбія); заслужилъ бы конечно имя великаго отъ Наполеона. — Злоба сего новаго Аттилы простерлась до того, что въ промежутки войны сухо-

путной, онъ желалъ сражаться на Морѣ за самыя волны.

Отъ сего-то; — между тѣмъ, какъ безчисленныя воинства погублялись, цѣлые народы упадали подъ тягостнымъ игомъ, и цвѣтущіе города, лишаясь своего блеска, обращались въ пустыню; — общая дѣятельность ко всему останавливалась; торговля, источникъ благоденствія народнаго, уменьшалась; страхъ овладѣлъ сердцами нещастныхъ, подпавшихъ желѣзному скипетру Корсиканца. — Народы по его мановенію раставлялись по всей Европѣ на военныя квартиры, и стоя на бивакахъ, или въ крѣпостныхъ стѣнахъ, не смѣли, такъ сказать, явиться въ Европѣ и нарещись драгоцѣннымъ именемъ братій.

Вотъ плоды безпредѣльнаго властолюбія и незбыточнаго предначертанія всеобщей Монархіи!

Если бы Небо умилосердясь о страданіяхъ человѣческихъ причиненныхъ Наполеономъ — поработителемъ, не послало Благословеннаго Помазанника АЛЕКСАНДРА; то кто знаетъ, можетъ быть (страшно изрещи) Европа содѣлалась бы пустынею или жилищемъ кровопійцевъ, Азія и Африка степью, Америка горестнымъ убѣжищемъ притѣсненныхъ войною. — Но явился предводимый Богомъ отъ Сѣвера; во имя Его извлекъ правомстящій мечь; сразился, рекъ: *Во прахъ!* и нѣтъ злодѣя, нѣтъ оскорбителя, къ стыду просвѣщенныхъ вѣковъ, носившаго имя человѣка!

МИРЪ ЕВРОПЫ.

Взглядъ на причины замедлявшія досель всеобщій миръ въ Европѣ.

Какъ мореплавателю, достигшему берега отечественнаго послѣ бурь и ежеминутнаго страха, пріятно воспоминать о нещастіяхъ оставленныхъ имъ за собою на вѣроломной стихіи; такъ, безъ сомнѣнія, каждому Рускому и каждому Европейцу любезно посвящать нѣсколько времени на размышленіе о тягостномъ игѣ, угнѣтавшемъ просвѣщенную страну свѣта. — Кто изъ друзей человѣчества, изъ друзей общественнаго спокойствія не прольетъ слезъ о погибели братьевъ человѣковъ, принесенныхъ на искупленіе семействъ, насъ самихъ и нашего потомства. — Въ душевномъ умиленіи скажемъ имъ: Миръ праху вашему воины! Кто изъ мудрыхъ нашего времени, приписуя все искуству человѣческому, удивившись наконецъ побѣдамъ

неимовѣрнымъ, перемѣнамъ чуднымъ, не воскликнетъ: *Велїй Господь!* такъ познаемъ и возвеличимъ Его могущество!

Но есть способы, позволительные каждому сыну отечества, мыслить и обозрѣвать близкїя къ намъ событїя. И потому разсмотримъ какїя бѣдствїя причинила Францїя своимъ переворотомъ, и какихъ стоило трудовъ заключить въ собственные брега излившееся изъ нее море раздоровъ и несогласїй.

Доискиваясь начала браней, сопровождавшихъ конецъ осмнадцатаго, и встрѣтившихъ сынов первенцовъ девятнадцатаго столѣтїй; надлежитъ обратиться къ бурѣ, потрясшей всю Францїю, извѣстной подъ именемъ Революцїи. Въ нынѣшнїе дни благодатные и давно ожиданные, горестно и неприлично даже упоминать о всѣхъ бѣдствїяхъ и злодѣянїяхъ, причиненныхъ симъ адскимъ переворотомъ. Умолчимъ о нихъ и вспомнимъ только почти сбывшееся предсказанїе, что революцїя кончится обойдя всю Евро-

пу. Кто могъ предвидѣть, что народъ просвѣщеннѣйшій въ иступленіи забудетъ обязанности общественныя, права народныя, самую религію, и пойдетъ съ мечемъ и пламенемъ водружать знамена раздора и бѣдствія по Югу, Западу, Востоку и даже Сѣверу.

При самой зрѣлости переворота Франціи, сосѣдственныя Державы наслаждались тишиною, утвержденною на основаніи незыблемомъ. Россія подъ мудрыми законами Великія Екатерины, разширяя предѣлы свои, гремѣла славою во вселенной; *Турція*, *Персія и вся почти Европа и Азія* дивились Ея могуществу. Торговля обогащала всѣ государства и сближала дары Азіи съ дарами Африки и Америки. Все наслаждалось, все процвѣтало. Въ одной Франціи таилась искра, обѣщавшая попалить землю огнями бѣдствія. Скоро благомыслящія Державы Австрія и Пруссія по чувству сostраданія, пожелали избавить Короля Французскаго отъ рукъ народа его плѣнившаго — но политика и чудная

связь произшествій. перемѣнила все. Франція, желая себѣ мечтательнаго щастія, доводила себя до политическаго разрушенія, и вся Европа постепенно допускала ее до онаго. Австрія и сѣверныя Державы, вмѣсто явнаго вооруженнаго подкрѣпленія Принцевъ Бурбонскихъ, нашли тайные слѣды, долженствовавшіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно истребить древо вольности и горькіе плоды онаго. Цѣль мудрая, каковой едва ли кто могъ предвидѣть изъ самыхъ прозорливыхъ политиковъ. — Таковы были предначертанія великой въ женахъ Екатерины (*). — Между тѣмъ во Франціи потрясеніе всѣхъ политическихъ и гражданскихъ отношеній, произвело такое безначаліе, раздоры и безпокойства, что воспоминаніе о нихъ ужасно и отвратительно. — Тогда-то

(*) Графъ Суворовъ неоднократно изъявлялъ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ II свое желаніе *побить Французовъ*; но Порфироносица сѣвера, знавши, что время къ сему еще не наступило, удерживала мстящую руку своего Героя полководца.

возобновились древнія преселенія народовъ; половина Германіи превратилась непримѣтно во Французскіе департаменты; нещастные выходцы приносили съ собою, по видимому, будущія бѣдствія къ народамъ ихъ пріемлющимъ. Въ то время уже многіе предвидѣли, и одинъ писатель сказалъ весьма справедливо; что чѣмъ Хаосъ ужаснѣе, и безначальство сильнѣе, то чрезвычайныя произшествія неизбѣжны. Близкое спокойствіе не находилось уже въ царствѣ возможности. — Оно чрезъ двадцать лѣтъ возвратилось къ Европейцамъ. —

Повсюду открывались бунты и неповиновенія; Швейцарія, Нидерланды, Марокко и Египетъ различными несогласіями изгоняли миръ отъ земныхъ предѣловъ. Польша, поставленная отъ природы среди Государствъ сильнѣйшихъ, показала также наклонность къ перемѣнамъ Правленія. Только Россія, Австрія и Пруссія, имѣвшія въ рукахъ своихъ величіе Европы, старались всячески поддерживать оное дружескимъ согласіемъ, пре-

доставляя недовольнымъ и дерзскимъ вращаться во мракѣ своеволія и буйства. Прочія три части свѣта потемнялись также облаками браноносными; Остъ - Индія, Тунисъ, Мавры, Британцы и Голландія истощали ярость частной войны.

Среди сдѣланныхъ, или готовившихся еще къ исполненію всемѣстныхъ перемѣнъ въ войскахъ, правленіи, нравахъ, образѣ мыслей; одна Россія и нѣкоторыя Италіянскія области пребыли спокойными. Но въ концѣ осьмнадцатаго столѣтія (1792) всеобщая политическая исторія Европы сліялась съ исторіею Франціи; слѣдствія сей толико вредной связи окончились въ послѣдующемъ вѣкѣ уже подъ стѣнами Столицы Сѣверной. Умерщвленіе Людовика XVI устрашило вселенную; кровь сего царственнаго страдальца вопіяла къ небу о мщеніи — и Господь господствующихъ предназначилъ на потомство злодѣевъ, громовый перунъ изъ десницы Царя Сѣвера, Примирителя вселенныя.

Скоро Францїя перешла отъ одной крайности въ другую. — Извѣстно, что послѣднія слова и вздохи убїеннаго Людовика заглушаемы были трубами, дабы народъ не слыхалъ благословенія, призываемаго отъ небесъ умирающимъ царемъ на своихъ подданныхъ; такъ и по смерти его, звукъ брани долго замедлялъ грядущее спокойствїе вселенной отъ предѣловъ полунощныхъ.

Наконецъ партїи, управлявшїя народомъ Парижскимъ, недовольствуяся раздорами внутренними, пожелали ополчиться на своихъ сосѣдей — на весь мїръ. Отъ Лиссабона до Мадраса, отъ береговъ Африканскихъ до Норвежскихъ, на островахъ Вестъ-Индскихъ, и во всѣхъ моряхъ чувствованы были слѣдствїя сей войны. Скоро гласъ брани раздался у бреговъ Рейнскихъ; и мало по малу начало сбываться предсказанїе о всемїрномъ переворотѣ. Тогда-то уже каждый Дворъ и каждая республика начали принимать больше или меньше участїя въ дѣлахъ волнующихъ Французовъ, ибо они

чрезъ возмущенїе хотѣли завоевать и разстроить все, безъ малѣйшаго объявленїя о войнѣ; таковыми неправедными нападенїями едвали не превзошли они и самаго Магомета. Но и въ такихъ обстоятельствахъ Сѣверъ новыми залогами дружбы обезпечилъ свое согласїе и безопасность, и Австрїя вмѣстѣ съ Пруссїею первая двигнула войска свои къ Рейну, для наказанїя раждающейся гордыни Французовъ. Сей походъ явилъ первый въ новѣйшїя времена *великое* число воиновъ, и первой начатокъ брани обѣщалъ, что отселѣ начинаются бѣдствїя, и каждый грядущїй годъ, потребуетъ новыхъ жертвъ смерти, новаго большаго числа оруженосцевъ. (*) Успѣхъ сей войны былъ не равной, побѣда

(*) Въ сїе время число войскъ Французскихъ, въ разныхъ мѣстахъ дѣйствовавшихъ, — простиралось до 600,000 человѣкъ, а союзныхъ Австрїйскихъ и Прусскихъ до 150,000 человѣкъ. Подробное описанїе и успѣхи сей войны можно читать въ подвигахъ Г. Фельдмаршала Блюхера, изданныхъ въ трехъ частяхъ. Москва, 1813 года. —

почти не преклонялась ни на чью сторону, осѣняя изрѣдка и по перемѣнно войска сражающихся; она ожидала временъ позднѣйшихъ, часа рѣшительнаго; намѣреніе Французовъ, не смотря на занятіе нѣкоторыхъ земель въ Германіи, не имѣло выгодныхъ для нихъ слѣдствій. Области Нѣмецкія, по словамъ республиканцевъ не созрѣли тогда еще для вольности; — о какъ щастлива таковая незрѣлость, иначе въ день жатвы великой отъ Березины до Сены, все истребилось бы мечемъ всегубительнымъ и поборавшемъ по правдѣ.

Чѣмъ скорѣе осьмнадцатое столѣтіе приближалось къ окончанію; тѣмъ важнѣйшія во всемъ перемѣны возмущали Европу. — Началась новая эпоха, опредѣленная Богомъ въ наказаніе развращеннаго человѣчества, и сквозь бури войны и переворота мелькали тайные пути къ тишинѣ будущей, и обѣщавшей спокойствіе обманутой и вовлеченной въ ужасныя бѣдствія части рода человѣческаго. Обитатели Сены водворяли повсюду

какое-то варварство; уже бразды правленія, колеблемыя рукою своеволія готовили сѣть для безчисленныхъ жертвъ смерти. Побѣды Германцевъ на Рейнѣ разгорячили только пылкихъ Французовъ, чѣмъ болѣе Державъ поднимало оружія на усмиреніе бунтующаго разврата, тѣмъ болѣе Французы собирали войска и объявляли войну всѣмъ почти Государствамъ. (*) Потеря войска, крѣпостей,

(*) Тогда еще Французы вели войну при всѣхъ своихъ границахъ, противъ Англичанъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Италіанцевъ, Австрійцевъ, Прусаковъ, Голландцевъ, Имперскихъ войскъ, въ Нидерландахъ, при Мозелѣ, на Рейнѣ, въ сопредѣльныхъ мѣстахъ Савоіи; въ Остъ и Вестъ - Индіи, своемъ Государствѣ противъ роялистовъ, въ Пуату Нормандіи, противъ Ліона и Тулона, Лангедока, Прованса и Марсели. Число войскъ Французъ. умножилось отъ 900 тысячь до милліона, и сіи арміи безпрестанно умножались, ибо всякой отъ 18 до 40 лѣтъ долженъ былъ принять оружіе и сдѣлаться солдатомъ. Число воюющихъ Французовъ превосходило тогда число Аттилиныхъ войскъ и число народа, при такъ называемыхъ большихъ переселеніяхъ; и сіи же войска превосходили Гунновъ и Вандаловъ въ дикости и лютости. — Такова была Франція при началѣ разврата и волненія; Наполеонъ всѣ источники военной ея силы умножилъ чрезвычайно, и потому всякой долженъ благоговѣть и удивляться АЛЕКСАНДРУ I, низвергнувшему колосъ сей, грозившій распространить свою *тѣнь* на четыре конца вселенныя. —

колоній, ничто не ужасало безтрепетно умертвившихъ своего вѣнценосца. Духъ же ревенія къ наказанію враговъ человѣчества распространялся повсюду; во всей Германіи, Италіи и самой Америкѣ, всѣ подданные спѣшили жертвовать своимъ достояніемъ для блага общественнаго.

Но въ слѣдъ за ужасными безпокойствіями Франціи возникли перевороты и въ Польшѣ. Въ первой свирѣпствовалъ Роберспьеръ, во второй Костюшка; сей избавилъ Францію, здѣлавъ чрезъ Прусаковъ отводъ всей компаніи, а тотъ испровергъ все, и Франція побѣждена въ Польшѣ Сѣверными героями, и доведена до необходимости желать мира; небудучи въ состояніи сама исполнить сего лестнаго желанія по причинѣ внутренняго во всемъ разстройства. — При семъ кто не замѣтитъ чудеснаго сходства тогдашнихъ (1794 года) событій съ нынѣшними; поля Литовскія, бывшія гробомъ вольности и разврата, внушенныхъ тогдашними Французами; въ отечественную войну нашу со-

дѣлались мразною могилою полчищъ Наполеоновыхъ. — Духъ переворота въ Польшѣ питаемъ былъ духомъ Французскимъ , и разгорячилъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ столь многїе головы, что удачной успѣхъ дерзскихъ предпрїятїй имѣлъ бы весьма далеко разспространившїяся слѣдствїя. Начало и продолженїе Польскаго примѣра были заразительны; конецъ ужасенъ. Тогда же Великая сѣверная Повелительница подала мановенїе своему герою, покоившемуся на лаврахъ своихъ въ Херсонѣ. — Пошелъ Суворовъ, и гдѣ триста ты злобы. — Въ три мѣсяца не стало могущественной нацїи; Польша покорилась законамъ Россійскимъ. Таковый переворотъ сдѣлалъ важную перемѣну и въ продолжавшейся Французской войнѣ, онъ превратилъ весь ходъ дѣлъ на Рейнѣ и въ Нидерландахъ. Король Прусскїй увидѣлъ себя принужденнымъ обратить вниманїе на сосѣдственную съ его владѣнїями Польшу, и отозвать свои войска отъ Рейна, хотя берега онаго, и Нидерланды все еще опустошались войною,

хотя щастіе болѣе служило союзникамъ нежели бунтовщикамъ. Поборники правды уже предполагали со стороны Голландіи открыть путь во Францію — и къ самому Парижу — но не насталъ еще сему часъ.

Замѣтимъ, что въ теченіе таковыхъ ужасныхъ браней Россія пребыла совершенно покойною и непоколебимою. Щастіе, по видимому, спорило на перерывъ съ высокими качествами великой души Екатерининой; никогда никакое правительство не обладало въ свѣтѣ толь обширною Имперіею; никогда еще не было толикаго устройства при толь необъятной обширности, толикаго распространенія въ столь короткое время, толикой быстроты и многочисленности побѣдъ. Екатерина конечно предвидя пагубныя слѣдствія революціи, желала прекратить или утишить оную; но разстояніе Россіи отъ Франціи, потребность тогдашняя мира для подданныхъ, побѣдившихъ враговъ ея державы, долго Ее отъ сего удерживали предуготовляя тѣмъ знаменитѣйшую

побѣду Внуку своему, обѣщавшемуся слѣдовать по слѣдамъ Ея, и толь знаменито здержавшему высокую сїю клятву. Неимовѣрныя почти предсказанїя оправдали тогда же намѣренїя Екатерины, а событїя нашихъ временъ совершенно сїе подтвердили. Поляки, въ послѣднюю уже войну подстрекаемые честолюбїемъ Наполеона, доведены были бы до ужаснѣйшихъ бѣдствїй, естлибъ Монархъ нашъ чадолюбивый не обратилъ къ нимъ Своего великодушїя и милосерднаго забвенїя обидъ неизвиняемыхъ. (*) Екатерина

(*) Величайшїя событїя Государственныя подаютъ всегда поводъ икъ величественнымъ мыслямъ; каковыми исполнены всѣ почти манифесты Императора Миротворца, изданные въ теченїи прошедшей компанїи. Въ примѣръ *высочайшаго* человѣколюбїя, осмѣливаемся привести слова изъ обнародованнаго въ Вильнѣ 12 Декабря, 1813 года, прощенїе областямъ Польскимъ: « сихъ послѣднихъ (приставшихъ къ сторонѣ Французской) долженствовалъ бы наказать мечь правосудїя; но уступая вопїющему въ Насъ гласу милосердїя и жалости, объявляемъ Наше *всемилостивѣйшее* общее и частное прощенїе, предая все прошедшее вѣчному и глубокому молчанїю, и запрещая впредь чинить какое либо по дѣламъ симъ притязанїе или взысканїе, въ полной увѣренности, что сїи отпадшїе отъ Насъ почувствуютъ кро-

великая принимала однакожъ дѣятельное участїе въ войнѣ противъ Французовъ, несмотря на то, что многїя державы, наскучивая, такъ сказать, сраженїями, съ народомъ своевольнымъ; заглушали звуки брани радостнымъ миромъ, котораго основанїе по стеченїю обстоятельствъ, и несовершенїю главной цѣли, было крайне зыблемо и недоставляло прочнаго спокойствїя. Англїя, уподобляясь Исполину, могущественною рукою сильнаго ратоборца, одна побѣждала повсюду Фран-

---

тость сихъ съ ними поступковъ. — Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи и разрушеніи силъ всенародныхъ враговъ, и да приноситъ съ неугнѣтеннымъ сердцемъ чистѣйшее Всевышнему благодареніе! Между тѣмъ надѣемся, что сіе Наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердія содѣланное прощеніе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ, и всѣмъ вообще областей сихъ жителямъ докажетъ, что они, яко народъ издревле единоязычный и единоплеменный съ Росіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть толико щастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ во едино тѣлосліяніи съ могущественною и великодушною Россіею. » Въ новѣйшей, и едвали древней исторіи найдутся Государи, говорящіе языкомъ такой кротости къ оскорбляющимъ ихъ величіе; таковые слова приличны только главамъ Боговѣнчаннымъ! —

цїю, гдѣ только ни встрѣчалась она ей на пути. Такимъ образомъ Великобританской флотъ присвоилъ себѣ по праву побѣды владычество надъ моремъ Средиземнымъ, прогналъ корабли Французскїе, осмѣливавшїеся выходить изъ пристаней; защищать берега Италїянскїя и удерживалъ распространенїе силы самоутвердившейся республики. Обманчивая политика тогдашнихъ временъ, представляла вдали только миръ, и въ надеждѣ на оный увеличивались только бѣдствїя. Французы ловили къ тому случай, и старались постепенно покорить себѣ все, или оружїемъ, или распространенїемъ своего безбожнаго образа мыслей. — А для чего не поступили тогда съ Францїею, какъ со строптивою Польшею, сїю послѣднюю усмирилъ и привелъ въ повиновенїе безсмертный Суворовъ; сосѣднїя же Францїи Государства, раздираясь частными раздѣлами и несогласїями, не имѣли къ нещастїю случая напасть соединенными силами на чудовище равенства и вольности.

Кинемъ еще взоръ на окончанїе осьмагонадесять столѣтїя, коего послѣднему году предоставленъ былъ, по видимому, переходъ отъ политическаго разрушенїя свѣта къ устройству онаго. — Не задолго предъ симъ Французскїя знамена явились въ предѣлахъ Италїи, хотя каждый шагъ въ сїю страну стоилъ чрезвычайно дорого. Но тщетно уже Францїя, прельщенная непрерывными побѣдами и отягченная нестроенїемъ внутреннимъ, мечтала привести Германїю и всю твердую землю Европы къ рабской покорности. — Уже новой Порфироносецъ Россїйской готовился нанести глубокую рану западной республикѣ. Павелъ I, избавитель олтарей и престоловъ, рѣшился низложить гордыню; и свѣту, изнуренному уже бѣдствїями и опустошенїями, даровать сладостное спокойствїе. — Тогда-то многїя Россїйскїя войска отъ Каспїйскаго моря, отъ Прускихъ границъ, пошли въ Италїю, Германїю, Швецарїю и Голландїю, подать помощь угнѣтеннымъ народамъ.

Въ сїе время Французы употребляли съ давнихъ лѣтъ свойственныя имъ ласкательства, и различными обѣщанїями и увѣренїями о миролюбїи хотѣли Нѣмецкихъ Князей отвратить отъ участїя въ войнѣ, и привести въ несогласїе съ Австрїйскимъ Императоромъ. Но хитрость не имѣла успѣха; жребїй былъ брошенъ, убїйственный ангелъ войны, еще неутомленный кровопролитїемъ, разорвалъ оковы кратковремяннаго мира, и окропленный кровїю поспѣшалъ, на Аппенинскїя и Альпїйскїя горы, вѣчные свидѣтели человѣческой великости и малости.

При самомъ началѣ Италїянской компанїи Австрїйцы и Россїяне въ жилищѣ древнихъ Римлянъ, привлекли на себя удивленїе цѣлаго свѣта. Ни одна война до сихъ поръ не могла сравниться съ Италїянскою. Двадцать пять крѣпостей (*), въ томъ числѣ

(*) Въ память тогдашнимъ Героямъ приведемъ имяна ихъ; онѣ суть слѣдующїя: Пемьери, Бресчїя, Арчинуово, крѣпость Миландская, Пиччигетона, Арона, Фуентесъ, Навара и Вреа, Верчелли, Мортара, Казале, Суза, Пиньераль, Валенца, великая крѣпость

пять почитавшихся непобѣдимыми, достались въ руки союзникамъ, не по какому либо случаю, но искуствомъ, храбростїю и правильною осадою. Безсмертны въ Исторїи ужасные дни сраженїй у Кассано, Пїаченцы, Требїи, Нови; вѣчно имя новаго Аннибала — Суворова! самые Альпы, и упирающїйся въ небо челомъ Сенготардъ, запечатлѣли славу Россїянъ для потомства. Народы, удивленные побѣдами героевъ Сѣвера, спѣшили между рядами ихъ сразиться за вѣчную свободу свою. Французы, хотя посредствомъ народныхъ возмущенїй старались основать свое владычество, но оно разрушено посредствомъ народныхъ возстанїй. Поля Италїйскїя учинились гробомъ Французскихъ труповъ, гробомъ наводненнымъ ихъ кровїю. Республиканскїя полчища, старавшїеся проложить чрезъ Италїю путь въ нѣдра Австрїи;

Туринская; Мантуа, Александрїя, страшно укрѣпленная природою и искуствомъ, Тортона, высокой неприступнымъ почитавшїйся замокъ, Серавалла, Спенчїя, Феррара, Урбино, Анкона, защищаемая моремъ и горами, и наконецъ Кони.

будучи совершенно побѣждены (*) войсками Павла I, собранными изъ тридцати его народовъ Сѣвера, Востока и Юга, открыли почти средство къ покоренїю самаго Парижа. Тогда возобновились времена Тиллїевъ, Монтекулїевъ, Евгенїевъ. Со времени Карла Великаго еще никогда Италїя не подпадала такой власти побѣдителей, какъ въ царствованїе Франца II. Тысяча лѣтъ прошла тому, какъ Императоръ сей не видалъ столь далеко распространеннымъ свое владычество, какъ въ 1799 году. Таковы были побѣды въ концѣ осьмнадцатаго вѣка. Уже вѣянїе тихихъ вѣтровъ, предваряющихъ сошествїе отъ небесъ мира-услаждало дыханїе каждаго Европейца, уже съ подъятыми руками ожидали отъ горнихъ странъ лучезарнаго свѣтила тишины; обстоятельства со-

(*) Число полученныхъ тогда въ добычу пушекъ' мортиръ, гаубицъ, по завоеванїю крѣпости Кони, простиралось болѣе нежели до 18,000 орудїй. Добыча амуницїи, ядеръ, пороху, ружьевъ, магазиновъ, и отнятыхъ сокровищь въ Италїи были безчисленны.

зрѣли къ сему, волнующійся и безцарственный народъ, устыдясь потерь своихъ, готовился, по видимому, отказаться навсегда отъ нападенія на сосѣдственныя страны; звукъ побѣдоноснаго оружія Павлова, имя Суворова, поправшаго неприступныя Альпы, смущали еще слухъ и сердце коловратныхъ Парижанъ. Стоило бы Государямъ Европейскимъ поддержать духъ рвенія и ненависти къ Французамъ, одушевлявшей тогда всѣ народы, и Европа не видала бы тирана Наполеона; могущество его не достигло бы до высочайшаго степени — и миліоны спаслись бы отъ смерти насильственной.

Но судьбы промысла еще изрекли жестокое испытаніе народу, непокорившемуся своему вѣнценосцу; еще гнѣвъ Господень, подобно волнамъ бунтующаго моря, тяготѣлъ надъ главами, недавно отвергшихся Всемогущаго. Надлежало покориться персту Вездѣсущаго, который въ послѣдствіи времени извелъ Россію изъ минутнаго бѣдствія на степень славы немерцающей

Скоро обстоятельства перемѣнились; Россіяне отреклись помогать Австрійцамъ, и Наполеонъ, посрамленный на степяхъ Египетскихъ, сокрушившій не побѣдимость свою о слабые валы Акрскіе, явился въ Парижъ хотя побѣжденнымъ, но лукавствомъ покорилъ законодавцевъ Франціи. Тутъ Французскій переворотъ, подобно Сатурну не только пожралъ собственныхъ дѣтей своихъ, но напослѣдокъ и самаго себя. Французы неимѣли даже и той отрады, чтобъ изъ нихъ кто нибудь содѣлался обладателемъ ихъ отечества. Корсиканецъ овладѣлъ ими и на мѣсто Генриха IV возсѣлъ на престолѣ Бурбонскомъ; отъ сего времени все получило новое измѣненіе. Австрійцы, не смотря на всѣ свои усилія, на всѣ пожертвованія, при самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія лишились многихъ прежде пріобрѣтенныхъ оружіемъ выгодъ и владѣній; скоро Италія, стоившая толикихъ трудовъ и крови, подпала власти Бонапарте. Маренгское сраженіе довершило судьбу Австрійцевъ, и за-

шмило блескъ сей Монархіи, до времяни союза Фанца II со АЛЕКСАНДРОМЪ на поляхъ Богемскихъ.

Такимъ образомъ, среди всеобщаго потрясенія Европы отъ коварствъ и хитростей Наполеоновыхъ, Россія, достигая высшаго могущества и славы, получила первенство надъ древнѣйшими въ свѣтѣ Государствами, и занимала мѣсто покровительницы многимъ державамъ. Достоиный пріемникъ и сынъ Павла I, АЛЕКСАНДРЪ, при вступленіи Своемъ на престолъ, по примѣру мудрыхъ Государей оградилъ царство свое миромъ, дабы еще болѣе умножить могущество Государства, дать новыя силы промышленности, исправить и улучшить внутреннее управленіе, и распространить науки въ отдаленныхъ предѣлахъ Сѣвера. Между тѣмъ Наполеонъ истощалъ свои замыслы и силу Государствъ, могущихъ когда либо разрушить славу его и величіе. Приводя народъ Французскій подъ единую власть свою, онъ начиналъ собирать всѣ силы своихъ подданныхъ, дабы

при первомъ открывшемся случаѣ сразиться съ Государствомъ, которое болѣе препятствуетъ его видамъ и дѣйствіямъ. По всѣмъ событіямъ можно было предполагать, что скоро ударитъ часъ, въ которой должно первенство остаться или на сторонѣ новой Французской Монархіи, или Россійской Имперіи. Духъ великихъ народовъ, любящихъ свою независимость и славу, казалось, пребывалъ въ бездѣйствіи, и ожидалъ съ нетерпѣніемъ грозной минуты къ изъявленію предъ цѣлымъ свѣтомъ своего мщенія дерзновенному честолюбцу.

И такъ съ 1805 года началась брань о семъ первенствѣ, хотя предлогъ оной и былъ покрытъ другими видами, гораздо меньше значущими. Война сія не могла кончиться въ одинъ годъ по многимъ причинамъ, ибо великія дѣла требуютъ и великихъ пожертвованій отъ народа и Государей; но тогда съ одной стороны ненасытимое желаніе повелѣвать вселенною, съ другой миролюбіе, отеческое попеченіе о благосостояніи подданныхъ, находили новыя

мѣры кончить или оставить сїю великую распрю нерѣшенною до нашихъ дней.

Невходя въ подробности сей войны, надлежитъ однакожъ упомянуть, что Наполеонъ получилъ отъ сего новое честолюбїе, половина тогда робкой Германїи принуждена была слѣдовать его законамъ, и снабжать Францїю деньгами и военными снарядами; все сїе подало скоро ему мысль покорить и другую половину Нѣмецкой земли, дабы тѣмъ болѣе распространить свою славу и приближиться вооруженною ногою къ Россїи и Англїи. Надлежало покорить Пруссїю своему скипетру, увеличить свои доходы награбленными деньгами, и дать новую пищу буйнымъ своимъ легїонамъ. — Щастїе и тутъ предварило замыслы Наполеоновы; вмѣстѣ съ Ауерштедскою битвою, увяла на нѣсколько времени и древняя слава Прусскаго Королевства. — Послѣ сей отважной и быстрой кампанїи, войска Наполеоновы приближались уже въ предѣлы Польши; и тогда Россїйской дворъ принялъ нужныя и необходимыя

мѣры къ защищенію своихъ границъ и удержанію силы честолюбиваго повелителя Франціи.

Тутъ прекратились на время дерзскія изобрѣтенія Бонапарте на порабощеніе любезнаго Отечества нашего; сими двумя войнами, съ нашей стороны только вспомогательными, научился онъ, какъ трудно побѣждать великіи народъ, какія усилія можетъ здѣлать мирное правленіе и какими горестными плодами не рѣдко сопровождается излишнее славолюбіе. Таково начало великаго спора о первенствѣ царствованія и единовластія въ подсолнечной; таковы успѣхи людей, защищаемыхъ Богомъ крѣпкимъ во бранѣхъ! — Еще въ то же почти время Испанія своею ревностію къ свободѣ, не взирая на всѣ тогдашніе недостатки въ запасахъ и деньгахъ, оставленная почти одна подъ жестокимъ игомъ Франціи, показала величественный примѣръ, что Наполеонъ неспособенъ сражаться съ храбрыми, предпочитающими щастіе отечественное рабственной жизни. Борьба сего единст-

.еннаго и малочисленнаго народа съ полувладѣвшею свѣтомъ Францïею, уязвляло честолюбïе Бонапарте, но онъ не могъ усмирить возставившихъ противу него Пиринейцевъ; а сïе долго препятствовало ему открыть нашествïе и на Россïю. Швецïя и Турцïя не могли подкрѣпить коварныхъ его намѣренiй, и симъ Государствамъ послужило только во вредъ несогласïе съ Кабинетомъ Петербургскимъ. Наконецъ алчность къ новымъ побѣдамъ непрестанно терзала сердце Наполеоново, онъ чувствовалъ, что одни Россïяне могутъ полагать предѣлъ его корыстолюбïю и дерзскимъ предпрïятïямъ, онъ предвидѣлъ, что наступитъ время; — и народы, угнѣтенные скипетромъ его, прибѣгнутъ подъ защиту Сѣвера, и облаками дыма и огня воинственнаго потемнятъ блескъ вѣнца Францïи; онъ избиралъ, готовилъ новыя сѣти недавнымъ побѣдителямъ Прейсишъ - Эйлаускимъ — и недожидаясь того часа грознаго, когда съ покоренныхъ имъ племенъ спадетъ завѣса ослѣпленiя, превратилъ всю

почти Европу въ шумныя толпы оруженосцевъ, и отъ бреговъ моря Западнаго и Сѣвернаго повелъ ихъ въ предѣлы Россіи, обѣщая славу и богатство новой Америки.

Съ душею, преисполненною благодаренія ко Всевышнему нашему Избавителю, воспомянемъ и о кровавыхъ битвахъ на родимыхъ поляхъ нашихъ. Пріятно каждому изъ насъ чувствованіе, что мы потерею нѣкоторыхъ имуществъ, пламенемъ селеній, самой посѣдѣлой въ торжествахъ, и трикраты свергавшей съ себя вражеское иго, Москвы, искупили не только сами себя, но всю Европу и весь свѣтъ. Пламя Столицы нашей, подобно восходящему солнцу, обѣщающему тихой день, въ заревѣ своемъ явило міру миръ; отблескъ въ облакахъ огнями клубящихся зданій, былъ новою радугою, новымъ залогомъ тишины и благоденствія на земномъ шарѣ. —

Война 1812 года останется безпримѣрною и неподражаемою; сильныя воинства, еще сильнѣйшія чувствованія властолюбія и великодушія сража-

лись между собою. Миллїоны изумленныхъ смотрѣли на сїе, то съ боязнїю, то съ грознымъ нетерпѣнїемъ. Событїя оправдали справедливость и низринули дерзновеннаго.

Наполеонъ, вопреки своимъ прежнимъ завоеванїямъ, могъ быть побѣжденъ уже предпрїятїемъ Рускихъ, которое обширнѣе всѣхъ его тактическихъ правилъ; и особенно защитою, совершенно противоположною странному его нападенїю. Каждый изъ подпадающихъ его нашествїю зналъ, что при быстромъ его вторженїи въ наши предѣлы, поздо размышлять о каковыхъ-либо расчетахъ въ пожертвованїи; отечество требовало, и каждый давалъ почти послѣднюю дань свою!

Отъ 1805 года до сихъ поръ, ни одинъ народъ, покоряемый Наполеономъ, не могъ дѣлать отступленїй, могущихъ обратиться завоевателю въ погибель; въ каждую кампанїю малодушїе порабощенныхъ возрастало на равнѣ со смѣлостїю притѣснителя. Двоекратное покоренїе Австрїи,

и быстрое завоеванїе Пруссїи довершило славу Наполеона, и недовѣрчивость враговъ его къ самимъ себѣ. Одни Россїяне при Пультускѣ и Прейсишь-Эйлау, Австрїйцы при Ваграмѣ показали, что силы Государствъ Европейскихъ доселѣ въ полнѣ неизслѣдованы, и что когда нибудь единодушїе народовъ, усилїя необходимыя и кстати употребленныя, докажутъ свѣту ложность побѣдъ Французскихъ, и личину могущества Наполеонова, превратятъ въ постыдную маску тщеславїя. — Бѣдствїя войны Испанской изгладили изъ памяти побѣду Мадритскую, и полуостровитяне Пиринейскїе неуступили въ устойчивости морелюбивымъ Британцамъ, издавна презиравшимъ ковы Западнаго властолюбца. Скоро по вступленїи въ Россїю Французовъ, щастїе доселѣ прикованное къ Наполеоновой колесницѣ, мало по малу начало оставлять его; волшебство превратилось въ обыкновенную силу человѣческую; пепелъ трехъ сотъ тысячь жертвъ, сожженныхъ на поляхъ Россїйскихъ,

ознаменовалъ первое паденіе славы и мнимаго благоденствія Франціи; кости двадцати народовъ, смѣшанные на долинахъ битвы, довершили оное; по широкой разрушенія и смерти полосѣ, протяженной отъ Оки до Сены, Союзники достигли цѣли своей, до-спасенія народовъ.

Наполеонъ по выходѣ изъ Россіи, старался еще разъ обмануть Германію и Францію, онъ всю неудачу свою приписывалъ климату, въ первой разъ имъ видѣнному. Но Рускіе ли изгнали Французовъ изъ земли своей, или жестокость непогоды всему виною? Бонапарту прежде во всемъ вѣрили, не по искуству лжи его, но по щастливымъ слѣдствіямъ каждаго объявленія его, онъ политикою, чаще нежели оружіемъ, одерживалъ побѣды, а потому и не заботился о - подтвержденіи произшествій, справедливы они, или нѣтъ. Не рѣдко управляющіе Кабинетами находили въ томъ свою выгоду, что Наполеонъ, увеличивая свои побѣды, оправдывалъ нѣкоторымъ образомъ послѣдовавшіе трактаты. Также быстрая перемѣна главной квартиры,

занятіе Столицъ, обнародованіе перемирій, условія и уступки, все соединялось для поддержанія лести. Но фортуна, нѣсколько разъ злоупотребленная Наполеономъ, принудила его наконецъ самаго отречься отъ ея покровительства: успѣхи его въ дипломатикѣ произвели въ немъ презрѣніе къ людямъ; и довѣренность излишнюю къ самому себѣ; отъ чего надѣясь исхитить въ Москвѣ ему угодный миръ, онъ велъ войну неосторожную и не умѣлъ прекратить ее во время. Вина, приписываемая климату содѣлалась очень низскою въ очахъ каждаго просвѣщеннаго человѣка. Пламя любви къ отечеству освѣтило и разсѣяло мракъ лжи. Скорое изгнаніе враговъ изъ Россіи, превзошло ожиданіе всей Европы; кто могъ предвидѣть паденіе новаго Голіафа; и кому приписать неслыханную побѣду? — Всевышнему и Благословенному отъ него АЛЕКСАНДРУ! за Россію вступился самъ Богъ, по Его мановенію мразъ оковалъ члены удаляющихся со стыдомъ отъ древней Столицы Сѣвера. Скоро Пруссія, а за ней и вся Германія познала вели-

кій часъ избавленія отъ ига поноснаго, и дивясь побѣдамъ Россіянъ, соединила знамена свои съ нашими. — Великой союзъ имѣлъ цѣль и окончаніе великое; сбылись надежды, наградились вполнѣ ревность и храбрость каждаго воина, учавствовавшаго въ семъ великомъ дѣлѣ; каждое пожертвованіе гражданина мирнаго принято, какъ *дань* искупленія человѣческаго рода.

Походъ Россіянъ въ Германію есть непрерывная цѣпь побѣдъ; путь Сѣвернаго Монарха предваряемъ и сопровождаемъ былъ радостію постепенно свергающихъ поносное иго народовъ, народы *а не арміи сражались* за взаимное спасеніе. Государи, Кабинеты, Генералы, солдаты, жители руководствовались одинакимъ чувствомъ, одинаковою мыслію; союзъ всѣхъ отечественныхъ доблестей вооружился на того, кто не имѣлъ ни добродѣтелей ни отечества, борьба была упорна, жертвы велики — наконецъ порокъ упалъ. — Наполеонъ видѣлъ успѣхи союзныхъ войскъ, трепеталъ, и смиряясь по обстоятельствамъ, онъ подалъ предложеніе о перемиріи, въ надеждѣ

съ общаго дворовъ согласія возстановить спокойствіе, благопріятствующее видамъ его. Цари - побѣдители вняли гласу примиряющагося — и легіоны ихъ двигнулись назадъ, подобно грозному морю, вмѣщающемуся на время въ берега свои, дабы тѣмъ сильнѣе изъ оныхъ выступать при быстромъ вѣтрѣ. Такъ и отступленіе Россіянъ къ Швейдницу было для Наполеона гибельнѣе самой побѣды. Таковымъ удачнымъ движеніемъ воинство союзное сближилось съ другою частію легіоновъ, назначенныхъ къ его подкрѣпленію. Бонапарте, разбитый повсюду на поляхъ Германіи, побѣжденъ еще въ первый разъ и на конгресѣ Прагскомъ. Австрійскій Монархъ, внявши болѣе гласу вопіющаго народа, нежели чувствамъ сердца отеческаго, рѣшился съ вѣрными своими поданными пожинать лавры великой брани, и сочувствовать въ великомъ дѣлѣ спасенія вселенной. Скоро долины Саксонскія узрѣли еще умножившимися воинства избавителей; легіоны съ горъ Скандинавскихъ, прешедъ море, водрузили знамя праведной брани у бре-

говъ Эльбы. Рука Господня благословила вновь всѣхъ воиновъ; разрушились замыслы коварнаго; онъ не восхотѣлъ принять предложенїй, необходимыхъ для прочнаго спокойствїя, и тысячи войскъ разноязычныхъ но единосердечныхъ, потекли вновь на священную брань; имъ все удавалось, ничто не останавливало ихъ движенїя; врагъ тщетно въ разныхъ сраженїяхъ напрягалъ свои силы, и битва Лейпцигская была предвѣстницею паденїя Парижа.

Октября 6 и 7 числы 1813 года, ознаменованныя народнымъ сраженїемъ у стѣнъ Лейпцига, могутъ почесться навечерїемъ дня мира благодатнаго, освѣтившаго Европу. Въ сїе-то время Французская армїя, въ виду всей, прежде обманутой ею Германїи, обратилась вновь въ постыдное, бѣгство за Рейнъ.— Наполеону невозможно было скрыть свои потери; ибо молва прежде его обманчивыхъ извѣстїй могла бы достигнуть до стѣнъ Столицы. Принужденные и еще влекомые на жертву, хотя не многїе уже союзники его увидѣли ослабѣвающее могущество; завѣса притворства ниспала, и Европа уви-

дѣла въ Бонапартѣ героя великаго при щасттіи, но слабаго при бѣдствіяхъ.

Излишне было бы выхвалять слѣдствія и выгоды сей побѣды надъ тактическимъ геніемъ Наполеона, до сихъ поръ устрашавшемъ Европу; но при сей побѣдѣ и сдѣланномъ нами краткомъ обозрѣніи Французской революціи, равно какъ и произшедшихъ отъ нея нещастіяхъ, прилично сказать, что вольность, пустившая корень свой въ Парижѣ, лишала на долго спокойствія всю Европу. Но изреченъ конецъ враждамъ! — Путемъ труднымъ и едва проходимымъ, достигли наконецъ всѣ Государства своего истиннаго величія, каждый подданный своего спокойствія; возвращаются ему права его; мирный поселянинъ не увидитъ отнынѣ своей нивы обагренною кровію, плоды не будутъ потоптаны конями чужеземными; мать не оплачетъ сына, погибшаго въ странѣ дальней отъ руки притѣснителей. Конецъ бранямъ, и да цвѣтетъ весна спокойствія! —

Конецъ первой Части.

